

DOI: 10.25629/RMPJ.2026.03.07

УДК: 159.99

Ульянина Ольга Александровна, доктор психологических наук, доцент, Федеральный координационный центр по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет, Академия управления МВД России, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», ulyaninaoa@mgppu.ru

Александрова Лада Анатольевна, кандидат психологических наук, Федеральный координационный центр по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ORCID: 0000-0003-3539-8058, ladaleksandrova@mail.ru

Никифорова Екатерина Александровна, Федеральный координационный центр по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет, ORCID: 0000-0003-0488-6497, k.Nikiforova.2014@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ И СОВЛАДАНИЕ С НИМИ У ПОДРОСТКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИЯХ, ЗАТРОНУТЫХ БОЕВЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

Аннотация

В статье рассматривается проблематика последствий пережитого подростками связанного с боевыми действиями травматического опыта, а также копинг-стратегий и ресурсов, которые могут быть использованы для преодоления негативного влияния травматизации. Показаны взаимосвязи травматического опыта, преобладающих копинг-стратегий с феноменами посттравматического роста и резилентности, проявляющихся у подростков, пострадавших в результате боевых действий. Для понимания актуальной динамики психологического состояния подростков показаны также различия изучаемых показателей в 2025 и 2026 годах. Приводятся данные, позволяющие оценить роль психологических ресурсов как самих подростков, так и членов их семей в процессе переработки подростками пережитого травматического опыта и формирования феномена посттравматического роста. В фокусе внимания как индивидуальные психологические ресурсы, так и внешние опоры – поддержка семьи, референтных групп, значимых взрослых, а также возможности для конструктивной деятельности и смыслообразования. Понимание структуры этих ресурсов и механизмов их работы имеет принципиальное значение для последующей разработки адресных программ психологической помощи и сопровождения.

Ключевые слова

подростки, травматический опыт, посттравматический стресс, дезадаптация, стратегии совладания, посттравматический рост, психологические ресурсы, боевые действия

Ulyanina O.A., Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal Coordination Center for Supporting the Development of Psychological and Pedagogical Assistance in the Education System of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology and Education, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, HSE University, ulyaninaoa@mgppu.ru

Alexandrova L.A., Candidate of Psychological Sciences, Federal Coordination Center for Supporting the Development of Psychological and Pedagogical Assistance in the Education System of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology and Education, HSE University, ORCID: 0000-0003-3539-8058, ladaleksandrova@mail.ru

Nikiforova E.A., Federal Coordination Center for Supporting the Development of Psychological and Pedagogical Assistance in the Education System of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology and Education, ORCID: 0000-0003-0488-6497, k.Nikiforova.2014@yandex.ru

PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES OF COMBAT EXPOSURE AND COPING WITH THEM AMONG ADOLESCENTS LIVING IN AREAS AFFECTED BY ARMED CONFLICT

Abstract

The article examines the consequences of trauma related to combat exposure experienced by adolescents, as well as the coping strategies and resources that may be used to overcome the negative effects of traumatization. It demonstrates the relationships between traumatic experience and predominant coping strategies, on the one hand, and the phenomena of post-traumatic growth and resilience manifested in adolescents affected by armed conflict, on the other. To capture the current dynamics of adolescents' psychological condition, differences in the indicators under study in 2025 and 2026 are also presented. The article provides data that make it possible to assess the role of psychological resources of both adolescents themselves and their family members in adolescents' processing of traumatic experience and in the development of post-traumatic growth. The focus is placed on both individual psychological resources and external sources of support, including family support, reference groups, significant adults, as well as opportunities for constructive activity and meaning-making. Understanding the structure of these resources and the mechanisms through which they operate is of fundamental importance for the subsequent development of targeted programs of psychological assistance and support.

Keywords

adolescents, traumatic experience, post-traumatic stress, maladjustment, coping strategies, post-traumatic growth, psychological resources, armed conflict

Введение

Переживание подростком боевых действий и их последствий выступает стрессором, способным провоцировать широкий спектр последствий: от психологических трудностей, проявляющихся в эмоциональной, поведенческой, психофизиологической сферах, до проявлений дезадаптации и симптомов посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР). В таких условиях особенно важно обратиться к ресурсному потенциалу несовершеннолетнего, его внешним и внутренним опорам, позволяющим сохранять устойчивость, совладать с переживаниями, восстанавливаться и сохранять устойчивость.

Подростковый возраст представляет собой сложный и невероятно важный этап становления личности человека. В этом возрасте перестраиваются взаимоотношения с семьей на основании психофизиологического (половое созревание, гормональная перестройка, способствующая из-

менениям в эмоционально-волевой сфере) и социального развития (завершение стадии «детства», постепенное включение в среду взрослых, становление критического мышления). Особую ценность приобретает общение со сверстниками, нередко отодвигая влияние и важность членов семьи [3]. Все это свидетельствует о том, что в процессе оказания психологической помощи подростку, пострадавшему в результате боевых действий, особенно важно учитывать всю многогранность и противоречивость феноменов, формирующихся в процессе ответа психики на травматический опыт. Поэтому изучение взаимосвязей подобных феноменов и их динамики становится сегодня одной из актуальных задач психологических исследований.

Краткий обзор литературы

Психотравмирующие ситуации, помимо традиционно рассматриваемых негативных последствий для психики, могут способствовать позитивной трансформации личности, проявляющейся, в частности, в эффекте посттравматического роста (далее – ПТ-рост). Исследуя психологические последствия для подростков переживаний, связанных с боевыми действиями, многие авторы отмечают как негативные, так и позитивные изменения. Так, А.Г. Самохвалова и соавт. изучали состояние детей, переживших боевые действия на территории проведения специальной военной операции, и определили наиболее часто встречающиеся последствия, связанные с нарушениями социализации – трудность в установлении взаимоотношений, отсутствие инициативы, ожидание предвзятого отношения к себе, проявления агрессии, снижение способностей к целеполаганию. Также у подростков, проживающих на территориях боевых действий, отмечается тенденция сближения со взрослыми, затрудненность в коммуникативной сфере, внутригрупповой фаворитизм, готовность изменять мир вокруг себя. Травматические события связанные с боевыми действиями, выступают постоянно действующим стресс-фактором, причем травматическая реакция более выражена у девушек [10]. Н.Б. Карабущенко и соавт. описали психологические последствия столкновения с боевыми действиями у подростков из Сирии: несовершеннолетние готовы нести ответственность за свои принятые в экстремальных условиях решения и преодолевать трудности, однако они испытывают нехватку тепла и ощущения безопасности, неуверенность в себе, а также имеют трудности в коммуникативной и эмоциональной сферах [2].

При этом важным остается изучение не только последствий пережитого опыта, но и психологических ресурсов, а также стратегий совладания, которые могут быть использованы для преодоления негативного влияния. Так, К.Д. Хломов и соавт. (2020) показывают, что выявлены гендерные различия: юноши значимо чаще используют копинг-стратегию конфронтации, тогда как девушки – поиск социальной поддержки и позитивную переоценку, что авторы связывают с традиционными гендерными ролями [14]. С.В. Фролова и Т.В. Сенина выявили меру вариативности использования определенных стратегий совладания – в зависимости от типа стрессовой ситуации подростки используют более узкий спектр стратегий (шок, снижение активности, уход от реальности в «экран») или более широкий (от отрицания, избегания или агрессии до погружения в любимое дело, поиска решения) [13].

В зарубежной литературе также существуют исследования, посвященные изучению психологических ресурсов и стратегий совладания у подростков, переживших боевые действия. Так, А. Golos и соавт. по материалам изучения конфликта между Газой и Израилем выявили высокую значимость социальных ресурсов в процессе совладания со стрессом в подростковом возрасте – поддержка близких, активное участие в школьной жизни. М. Kineret, B.S. Shirley отмечают, что для подростков, переживших боевые действия в Израиле, свойственны противоречивые чувства – вынужденная необходимость резко повзрослеть с одной стороны, и невозможность общаться со взрослым миром по своим правилам – с другой. Совладание у таких подростков может происходить как через погружение в «защитный пузырь», (эмоциональную отстраненность и потребность соблюдать рутинные действия), так и через активные действия (помощь другим, ликвидация последствий), дающее чувство контроля над ситуацией и смысла, надежды и самостоятельности, а иногда через сочетание этих стратегий [21]. М.М.А. Alqahtani и соавт. на основе выборки подростков, пострадавших в ходе конфликта в Саудовской Аравии, обобщили типы

травматического опыта и показали, что подростки с высокими показателями ПТСР чаще выбирают неадаптивные стратегии (избегание и изоляция, обвинение окружающих, отрицание и подавление эмоций) [18].

Heba Faiek Zedan с соавт. на основе качественного анализа интервью с подростками, их родителями и помогающими специалистами в Палестине выявили ключевые стратегии преодоления травматических переживаний у подростков [24]. Авторы сделали вывод о том, что стратегия избегания не помогает проявить субъектность в непредсказуемых ситуациях, напротив, такие стратегии совладания как религиозные практики, когнитивная переоценка, проживание эмоций, заинтересованность образовательным процессом и планирование будущего позволяли подросткам сохранить чувство контроля и собственного достоинства. Обобщающий обзор эмпирических и теоретических исследований за 2024-2025 гг., посвященных психологическому состоянию детей и подростков в секторе Газа, также подтверждает, что ключевыми стратегиями совладания для них выступают – сплоченность семьи, вера и стойкость [17].

Авторы также фокусируются на опосредующей роли разных стратегий совладания в ходе проявления у подростков такого феномена как посттравматический рост. Предложенная Д.А. Леонтьевым модель развития личности в затрудненных условиях позволяет выявить те механизмы, за счет которых травматический опыт может трансформироваться в продуктивные процессы развития через построение особой системы саморегуляции [4]. В частности, Л.А. Александрова и Д.А. Леонтьев в контексте исследования копинг-стратегий студентов колледжа с ОВЗ показали, что конструктивные механизмы совладания являются предикторами эффективного преодоления психологической травмы (но не ее последствиями), при этом – чем сильнее травма, тем более выражен рост [7]. Недавнее эмпирическое исследование на основе опросника ПТ-роста (PTGI-SF) свидетельствует, что активные, направленные на преодоление трудностей стратегии совладания (active coping) выступают медиатором между устойчивостью и посттравматическим ростом у арабских подростков и молодежи, сталкивающейся с непрерывным травматическим стрессом из-за боевых действий в Израиле [20]. Это во многом согласуется с предложенной Д.А. Леонтьевым полиресурсной моделью совладания с трудными ситуациями, в рамках которой неосознаваемые механизмы защиты и копинги выступают в качестве рубежа второй обороны личности, и помогают, не изменяясь, справиться со стрессорами, превышающими порог реагирования, определяемый ресурсами устойчивости (первый рубеж) [5]. Важно, что недавние эмпирические исследования в разных странах показывают возможность использования опросника ПТ-роста (PTGI-SF) для подростков, начиная с 12 лет (такие исследования психологического состояния подростков проводились, например, в Перу [23] и Ливане [19]).

Цель статьи – проанализировать психологические последствия пережитых травматических событий, связанных с боевыми действиями, а также и спектр стратегий и ресурсов совладания, которые актуализируются у подростков в ситуации длительного воздействия подобных стрессоров.

Методы

Исследование проводилось в ЛНР, Запорожской, Херсонской, Белгородской и Курской областях в формате псевдолонгитюда. Подростки 11-18 лет и их родители отдельно в режиме онлайн заполняли размещенную на платформе Anketolog.ru форму, разработанную специалистами Федерального координационного центра по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (далее – ФКЦ). До начала опроса с родителями (законными представителями) обучающихся педагогом-психологом была проведена мотивационная беседа и получено письменное информированное согласие об участии в исследовании. Затем данные пар родитель-подростков были сведены в единую матрицу.

Сбор данных осуществлялся в два этапа. Были отобраны пары, в которых сами подростки указали в качестве психотравмирующего событие, напрямую связанное с боевыми действиями (атаки БПЛА, гибель или инвалидизацию одного из родителей, ранение, вынужденный переезд и др.). в 2025 таких было 1210 пар подросток-родитель) и в 2026 – 508 пар подросток-родитель.

Эти подростки составили 12,5% от общей выборки в 9090 пар родитель-подросток, из перечисленных выше регионов. Дальнейший анализ будет посвящен исключительно этой группе подростков, которые осознанно указали в качестве ситуации, с которой им пришлось совладать, именно боевые действия. В исследовании участвовало равное число подростков мужского и женского пола (по 859 человек).

Подросткам предлагалось заполнить следующие психодиагностические методики

А) Для оценки психологических ресурсов подростков использовались

- 1) Краткая шкала резилентности (Маркова, Александрова, Золотарева, 2022) [6].
- 2) Многомерная шкала восприятия социальной поддержки (К.А. Чистопольская, С.Н. Ениколопов, Е.Л. Николаев, Г.А. Мысина, С.Э. Дровосеков, 2020) [15].
- 3) Шкала общей самооффективности (Р. Шварцер, М. Ерусалем, В. Г. Ромек, 1997) [16];
- 4) Опросник совладания со стрессом, COPE-30A (М.А. Одинцова, Н.П. Радчикова, 2024) [8];
- 5) Шкала субъективного счастья, SHS (S. Lyubomirsky, H. Lepper, 1999; адаптация: Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев, 2004) [9; 22];

Б) Для оценки психологических последствий стресса, связанного с боевыми действиями, использовались: 1) Опросник посттравматического роста, адаптированный для подростков (Ульянина О.А., Александрова Л.А.) [12]. Он представляет собой модификацию взрослой версии опросника с упрощенной шкалой Лайкерта от 0 до 3 и вариантов ответов от «не изменился» до «сильно изменился». До заполнения опросника подростка просили указать в формате свободного ответа, с каким травматическим опытом он сталкивался, на основе чего были отобраны подростки, указавшие событие, непосредственно связанное с боевыми действиями.

2) Для оценки адаптации подростков использовалась скрининговая методика изучения состояния детей, пострадавших в результате боевых действий (Ульянина, Ермолаева, Александрова, 2025).

Родителям подростков предлагались следующие методики.

А) Для оценки травматического опыта подростков и выраженности у них признаков ПТСР применялись:

- 1) Родительская анкета для оценки травматических переживаний детей (Н.В. Тарабрина, 2001) [11].
- 2) Список событий, направленный на инвентаризацию травматического опыта ребенка, связанных и не связанных с боевыми действиями, разработанный для целей исследования (О.А. Ульянина, Л.А. Александрова)

Б) Для оценки психологических ресурсов семьи и самого родителя были использованы:

- 1) Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RII) (Е.С. Гусарова, М.А. Одинцова, Н.В. Козырева, Е.И. Кузьмина, 2024) [1].
- 2) Краткая шкала резилентности (Маркова, Л.А. Александрова, Золотарева, 2022) [6].

Результаты и их обсуждение.

Проведение исследования в формате псевдолонгитюда в два этапа – в 2025 году (1210 пар подросток-родитель) и в 2026 году (508 пар) позволило выявить различия изучаемых показателей в зависимости от года исследования.

Заметный рост от 2025 к 2026 году коснулся только таких психотравмирующих событий, связанных с боевыми действиями, как «слышал взрывы» ($p < 0,008$), «проживал в пункте временного размещения» ($P < 0,016$). Частота встречаемости других психотравмирующих событий, с которыми сталкивались подростки, оставалась стабильной (чаще всего стабильно высокой). Наиболее часто упоминаемые психотравмирующие события, связанные с боевыми действиями, представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Травматический опыт, который пережили подростки (данные, полученные на основе анкетирования родителей)

Травматический опыт	% от общего количества анкет подростков, указавших в качестве травматического события связанное с боевыми действиями, 2025/2026 гг.	
	2025	2026
Связанный с боевыми действиями		
Пережил гибель близкого, члена семьи	9,40%	7,70%
Узнал о гибели знакомых, друзей	7,90%	9,80%
Находился в зоне обстрела	30,10%	28,90%
Слышал взрывы	72,00%	78,10%
Видел взрывы	20,90%	23,60%
Прятался в убежище	26,00%	30,10%
Вынужденный переезд	33,60%	31,50%
Проживал в пункте временного размещения	5,40%	8,50%
Потеря (разрушение) дома, места проживания	13,60%	15,00%
Не связанный с боевыми действиями		
Насилие, травля со стороны сверстников	1,7%	3,7%
Развод родителей	3,0%	3,1%
Потеря друзей	12,6%	8,3%

Травматические события, не связанные с боевыми действиями, рассматриваются как дополнительный психотравмирующий фактор, истощающий ресурсы совладания со стрессом, связанным с боевыми действиями, как у подростка, так и его родителей, и семьи в целом. Наиболее частотные события представлены в таблице 1. Обращает на себя внимание, что в структуре травматического опыта подростков преобладают события, связанные с боевыми действиями. Данные, представленные в таблице 1, получены на основании анализа анкет, заполненных родителями подростков.

Результаты исследования позволяют сопоставить средние ранги изучаемых показателей по годам. Статистическая значимость различий в выраженности изучаемых показателей, а также средние ранги показателей в 2025 и в 2026 годах приведены в Таблице 2.

Таблица 2 – Результаты анализа различий в выраженности изучаемых показателей в зависимости от года проведения исследования

Показатели		U Манна-Уитни	Асимп. знач. (двухсторонняя)	Средние ранги	
				2025 год	2026 год
	Общий показатель дезадаптации	284360,5	0,014	878,49	814,26
	Общий показатель ресурсов	283176,5	0,010	839,53	907,07
	Общее число проблем	280933,5	0,005	881,32	807,52
Копинг-стратегии	Позитивное переформулирование и личностный рост	284372,5	0,013	840,52	904,71
	Мысленный уход от проблемы	305389	0,833	861,11	855,66
	Концентрация на эмоциях и их активное выражение	305243	0,820	857,77	863,63
	Использование инструментальной социальной поддержки	295974	0,213	850,11	881,87
	Активное совладание	298398	0,330	852,11	877,10
	Отрицание	294475	0,162	870,13	834,18
	Обращение к религии	297650	0,295	851,49	878,57

Показатели		U Манна-Уитни	Асимп. знач. (двухсторонняя)	Средние ранги	
				2025 год	2026 год
	Юмор	306565	0,933	860,14	857,97
	Поведенческий уход от проблемы	287024	0,026	876,29	819,51
	Сдерживание	286495,5	0,024	842,27	900,53
	Использование эмоциональной социальной поддержки	284263,5	0,011	840,43	904,93
	Использование «успокоительных»	305573	0,738	858,04	862,98
	Принятие	296816,5	0,256	868,20	838,78
	Подавление конкурирующей деятельности	302093,5	0,569	855,16	869,83
	Планирование	296070	0,213	850,19	881,69
ПТ-рост	Сила личности	291067,5	0,081	846,05	891,53
	Изменение отношения	290378,5	0,070	845,48	892,89
	Ценность жизни	276221	0,001	833,78	920,76
	Духовные изменения	293964	0,153	848,45	885,83
	Приоритеты	304767	0,784	857,37	864,56
Ресурсы	Общая соцподдержка	274800	0,000	832,61	920,07
	Резилентность подростка	296572	0,250	850,60	880,70
	Самоэффективность	249083,5	0,000	907,65	744,82
	Уровень счастья	267799	0,000	826,82	937,34
	Жизнеспособность семьи	305289	0,827	861,20	855,46
	Резилентность родителя	303465,5	0,679	856,30	867,13
	Травмы, связанные с СВО	290124	0,062	845,27	893,39
	Травмы, не связанные СВО	299674	0,284	865,84	844,41
	Выраженность симптомов ПТСР	297878	0,306	867,32	840,87

Результаты исследования, отраженные в Таблице 2, показывают статистически значимый (на уровне значимости $p \leq 0,01$) рост числа проблем у подростков в 2026 году по сравнению с 2025 годом. При этом общее количество ресурсов увеличилось, тогда как средние значения дезадаптации снизились ($p \leq 0,01$). В 2026 году подростки статистически значимо чаще стали использовать такие копинг-стратегии как «Позитивное переформулирование и личностный рост», «Использование эмоциональной социальной поддержки» ($p \leq 0,01$), а также и «Сдерживание» ($p \leq 0,05$). При этом такая копинг-стратегия как «Поведенческий уход от проблемы» используется подростками статистически реже в 2026 году ($p \leq 0,05$). Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в 2026 году подростки стали чаще использовать некоторые активные копинг-стратегии и реже – пассивные. Тем не менее, увеличение частоты использования такой стратегии как «Сдерживание» может говорить о потенциальном росте внутреннего напряжения и необходимости оказания подросткам своевременной психологической помощи.

Сравнение данных, представленных в Таблице 2, отражает также увеличение у подростков объема травматического опыта, связанного с боевыми действиями, которое, однако, не достигает пределов статистической значимости. Кроме того, данные отражают статистически значимый рост уровня поддержки, которую подростки черпают из социального окружения, а также рост субъективного «Уровня счастья» ($p \leq 0,01$). Тем не менее, такой критерий благополучия подростков как «Самоэффективность» значимо снизился в 2026 году по сравнению с 2025 ($p \leq 0,01$). При этом из всех критериев ПТ-роста статистически значимо увеличился только такой показатель как «Повышение ценности жизни» ($p \leq 0,01$). Остальные показатели ПТ-роста также демонстрируют незначительный рост от 2025 к 2026 году, однако, различия статистически не значимы.

Поскольку изучаемые показатели для всей выборки подчиняются закону нормального распределения, взаимосвязи между изучаемыми показателями были проанализированы с использованием коэффициента корреляции Пирсона. Фрагмент корреляционной матрицы представлены в Таблице 3.

Таблица 3 – Статистически значимые корреляционные взаимосвязи между изучаемыми показателями (N=1718)

Показатели	Общая дезадаптация	Шкалы ПТ-рост					Травматический опыт		суммарный показатель выраженности ПТСР симптомов
		Сила личности	Изменение отношения к другим	Повышение ценности жизни	Духовные изменения	изменение жизненных приоритетов	связанный СВО	не связанный с СВО	
Общая дезадаптация		,219**	,122**	,070**	,119**		,149**	,220**	,409**
Общее число проблем		,145**	,067**		,063**		,087**	,224**	,363**
Копинг-стратегии									
Позитивное переформулирование и личностный рост	-,230**	,092**	,126**	,110**	,127**	,179**		-,123**	-,093*
Мысленный уход от проблемы	,479**	,168**	,154**	,082**	,139**	,066**		,112**	,232*
Концентрация на эмоциях и их активное выражение	,146**	,182**	,148**	,216**	,216**	,134**	,059*	,074**	,133*
Использование инструментальной социальной поддержки	-,161**	,153**	,152**	,233**	,219**	,203**		-,063**	
Активное совладание	-,166**	,124**	,162**	,176**	,132**	,200**			
Отрицание	,302**	,101**	,102**		,128**	,087**		,094**	,127*
Обращение к религии		,148**	,309**	,232**	,190**	,156**	,049*		,062*
Юмор	,141**	,144**	,053*		,105**	,087**			
Поведенческий уход от проблемы	,398**	,137**	,097**		,139**			,062**	,174*
Сдерживание	-,183**	,095**	,056*	,145**	,088**	,121**			
Использование эмоциональной социальной поддержки	-,176**	,162**	,159**	,245**	,251**	,158**		-,058*	
Использование «успокоительных»	,350**	,116**	,117**		,106**	,052*		,081**	,200*
Принятие	,093**	,160**	,100**	,122**	,126**	,168**			
Подавление конкурирующей деятельности	-,101**	,110**	,118**	,135**	,121**	,148**		-,060*	
Планирование	-,340**	,114**	,103**	,164**	,096**	,203**		-,107**	-,084*
Ресурсы подростка									
Поддержка значимых других	-,284**	,077**	,098**	,177**	,160**	,133**		-,093**	-,090*
Поддержка семьи	-,371**		,065**	,174**	,111**	,124**	,054*	-,118**	-,101*

Показатели	Общая дезадаптация	Шкалы ПТ-рост					Травматический опыт		суммарный показатель выраженности ПТСР симптомов
		Сила личности	Изменение отношения к другим	Повышение ценности жизни	Духовные изменения	изменение жизненных приоритетов	связанный СВО	не связанный с СВО	
Поддержка друзей	-,317**		,083**	,097**	,137**	,107**		-,156**	- ,171*
Общая соцподдержка	-,386**		,099**	,172**	,163**	,144**		-,151**	- ,150*
Самозффективность	-,365**		,092**	,086**	,053*	,188**		-,091**	- ,140*
Уровень счастья	-,486**	-,061*	,085**	,104**	,068**	,106**		-,169**	- ,204*
Резилентность	-,478**	-,246**	-,161**	- ,172**	-,162**		- ,064*	-,111**	- ,271*
Ресурсы семейные									
Жизнеспособность семьи	-,135**			,074**	,052*	,069**		-,064**	- ,084*
Резилентность родителя	-,228**	-,136**	-,067**	- ,095**			- ,163*	-,124**	- ,313*
Травматический опыт									
связанный с СВО	,149**	,170**	,079**	,128**				,288**	,329*
не связанный с СВО	,220**	,090**					,288*		,283*
Общий уровень ПТСР симптомов	,409**	,221**	,115**	,155**	,112**	,082**	,329*	,283**	

Примечание: ** – корреляция значима на уровне $p < 0,01$, * – корреляция значима на уровне $p < 0,05$.

Статистически не значимые корреляционные связи в таблице не указаны.

Полученные данные показывают, что объем (разнообразие) травматического опыта, связанного с боевыми действиями у подростков связан положительными корреляционными связями как с уровнем выраженности симптомов ПТСР и показателями общей дезадаптации, так и практически со всеми шкалами, характеризующими ПТ-рост (кроме шкалы «Приоритеты») (Таблица 3). Это позволяет предположить, что травматизация, отраженная в том числе в признаках ПТСР, можно происходить одновременно с позитивными трансформации личности, отражающимися в показателях ПТ-роста.

Кроме того, результаты исследования позволяют оценить связи используемых подростками в условиях травматизации копинг-стратегий как с выраженностью дезадаптации и признаков ПТСР, так и с проявлениями ПТ-роста. Приведенные в Таблице 3 данные показывают, что большинство

копинг-стратегий связано положительными корреляционными связями со многими шкалами ПТ-роста, при этом отдельные копинг-стратегии положительно связаны со всеми шкалами. Исключение составляют такие копинг-стратегии как отрицание, поведенческий уход от проблемы, использование «успокоительных» и юмор, для которых не выявлены значимые связи с такой шкалой ПТ-роста, как ценность жизни. Также копинг-стратегия «Поведенческой ухода от проблемы» не связана с таким показателем ПТ-роста, как «Изменение жизненных приоритетов».

Важно, что лишь отдельные копинг-стратегии показали отрицательные взаимосвязи с уровнем дезадаптации («Позитивное переформулирование и личностный рост», «Использование инструментальной социальной поддержки», «Активное совладание», «Сдерживание», «Подавление конкурирующей деятельности и планирование»), а также с проявлениями симптомов ПТСР («Позитивное переформулирование», «Личностный рост» и «Планирование»). Остальные копинг-стратегии связаны положительными корреляционными связями с уровнем дезадаптации, кроме стратегии «Обращение к религии», для которой значимые связи не выявлены. Также положительные корреляционными связи с проявлениями симптомов ПТСР выявлены для таких копинг-стратегий как «Мысленный уход от проблемы», «Концентрация на эмоциях и их активное выражение», «Отрицание», «Обращение к религии», «Поведенческий уход от проблемы», «Использование успокоительных». Можно предположить, что чем больше подростки сталкиваются с травматическим опытом, тем активнее они пробуют использовать разные копинг-стратегии. При этом активность использования самых разнообразных копинг-стратегий задает интенсивность формирования ПТ-роста, который может одновременно сопровождаться проявлениями дезадаптации и симптоматикой ПТСР.

Результаты, представленные в Таблице 3, также позволяют соотнести феномены дезадаптации, проявлений ПТСР и ПТ-роста с использованием личных и семейных ресурсов, а также же с таким феноменом, как резилентность. Полученные данные свидетельствуют о том, что возможность для подростков опираться на любые виды ресурсов (включая индивидуальную резилентность) отрицательно связано с уровнем дезадаптации и симптоматикой ПТСР.

При этом картина, касающаяся параметров ПТ-роста значительно сложнее. Так, почти все индивидуальные и семейные ресурсы связаны положительными корреляционными взаимосвязями практически со всеми шкалами ПТ-роста (кроме феномена резилентности). При этом резилентность родителя отрицательно связана с такими шкалами ПТ-роста как «Сила личности», «Изменение отношения к окружающим» и «Ценность жизни». Можно предположить, что резилентность (устойчивость) родителя, хотя и может выполнять смягчающую роль, снижающую проявления симптомов дезадаптации и ПТСР, однако не способствует реинтеграции личности в ходе ПТ-роста. Такие же отрицательные связи с ПТ-ростом, дезадаптацией и ПТСР показала резилентность самого подростка, что позволяет предположить ее буферную роль в процессе позитивной дезинтеграции, предшествующей феномену ПТ-роста. Закономерно, выявлены положительные корреляционные связи между выраженностью признаков ПТСР, показателями дезадаптации и ПТ-роста, что позволяет выдвинуть предположение о том, что процессы дезинтеграция и ПТ-роста идут у подростков одновременно.

Важно обратить внимание на то, что аналогичные связи показывает и индивидуальная резилентность подростка. Полученные результаты соотносятся с подходом Д.А. Леонтьева, в котором «первый рубеж обороны» психики при совладании со стрессорами связан с такими индивидуальными свойствами человека как стрессоустойчивость и жизнеспособность (резилентность) [5]. При этом показатель, отражающий жизнеспособность семьи (family resilience) «ведет себя» противоположным образом проявляя себя, скорее, как ресурс ПТ-роста и совладания для подростков.

Выводы и заключение

Результаты исследования показывают, что феномен посттравматического роста у подростков, может формироваться одновременно с признаками ПТСР и дезадаптивной симптоматикой.

Проведенное исследование позволяет на основе статистически значимых различий выявить динамику показателей, отражающих психологические последствия, психологические ресурсы и

стратегии совладания у подростков, пострадавших в результате боевых действий, а также корреляционные связи между указанными показателями. Обнаруженные взаимосвязи показывают, что феномен посттравматического роста у подростков, может формироваться одновременно с признаками ПТСР и дезадаптивной симптоматикой.

Результаты исследования соотносятся с данными отечественных и зарубежных эмпирических исследований, а также с полиресурсной моделью совладания с трудными ситуациями, предложенной Д.А. Леонтьевым. Переживания подростков, связанные с боевыми действиями, относятся к категории тех, совладание с которыми может осуществляться на разных внутриличностных «рубежах обороны». Когда у подростка достаточно индивидуальной резилентности и когда родители подростка обладают достаточно высоким уровнем резилентности, они успешно справляются с психотравмирующими ситуациями, не допуская дезадаптации. Соответственно, чем лучше срабатывают «первые рубежи обороны» (показатели индивидуальной резилентности), тем ниже у подростков показатели дезадаптации и признаки ПТСР, однако также ниже и показатели ПТ-роста. Однако, когда задействуются копинг-механизмы, характерные для «второго рубежа обороны», показатели посттравматического роста также растут, что несколько противоречит модели предложенной Д.А. Леонтьевым. Третий рубеж обороны задействуется тогда, когда не срабатывают первые два, когда при нехватке резилентности включаются копинг-стратегии, но и они оказываются неэффективными в совладании со стрессом.

Особенно важным результатом стала амбивалентность показателей резилентности родителя и семьи. Индивидуальная резилентность родителя снижает уровень травматического воздействия (показатели дезадаптации и ПТСР), однако не порождает личностные изменения ПТ-роста. Напротив, жизнеспособность (резилентность) семьи может служить для подростка опорой для позитивной реинтеграции, способствующей ПТ-росту.

Полученные данные могут свидетельствовать о том, что в процессе помощи подросткам, пострадавшим в результате боевых действий, важно учитывать не только клинически выраженные признаки дезадаптации и симптоматику ПТСР, но также опираться на методики, позволяющие учитывать факторы позитивной трансформации личности, которые могут способствовать посттравматическому росту, формирующемуся одновременно с дезадаптивной симптоматикой.

Литература

1. Гусарова, Е. С., Одинцова, М. А., Козырева, Н. В., & Кузьмина, Е. И. (2024). Шкала оценки жизнеспособности семьи (FRAS-RII): новая версия // *Психология. Журнал ВШЭ*, 21(1), 8–31. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-8-31>.
2. Карабущенко, Н.Б., Иващенко, А.В., Сунгурова, Н.Л., Аль Масри, И. (2016). Психологические особенности адаптации сирийских подростков в экстремальных ситуациях социогенного характера // *Экспериментальная психология*, 9(3), 81–90. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090307>
3. Коноплева, И. Н., & Чупракова, М. В. (2013). Агрессивное поведение подростка как копинг-стратегия в стрессовой ситуации // *Психология и право*, 3(4), Статья 7. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n4/66195 (дата обращения: 01.09.2026).
4. Леонтьев, Д. А. (2014). Развитие личности в норме и в затрудненных условиях // *Культурно-историческая психология*, 10(3), 97–106.
5. Леонтьев, Д. А. (2025). Совладание в контексте саморегуляции. Часть 2. Полиресурсная модель // *Психологический журнал*, 46(2), 5-12. <https://doi.org/10.7868/S3034588X25020014>
6. Маркова, В. И., Александрова, Л. А., & Золотарева, А. А. (2022). Русскоязычная версия краткой шкалы резилентности: психометрический анализ на примере выборок студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью // *Национальный психологический журнал*, 1, 65–75.
7. Махнач, А. В., Дикая Л. Г. (Ред.). (2016). *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».

8. Одинцова, М. А., & Радчикова, Н. П. (2024). COPE-30A: краткая версия методики изучения копинг-стратегий для подростков 12-18 лет // *Психолого-педагогические исследования*, 6(3), 3–18. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2024160301>
9. Осин, Е. Н., & Леонтьев, Д. А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1, 117–142.
10. Самохвалова, А. Г., Вишневская, О. Н., Тихомирова, Е. В., & Шипова, Н. С. (2025). «Дети войны»: трудности социализации и особенности восприятия мира // *Социальная психология и общество*, 16(1), 105–123. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160106>
11. Тарабрина, Н.В. (2001). *Практикум по психологии посттравматического стресса*. СПб.: Питер.
12. Ульянина, О.А., Александрова, Л.А., Никифорова, Е.А., Дмитриева, С.О. (2025). Психологические последствия пережитого травматического опыта у старших подростков на территориях, в разной степени пострадавших в результате боевых действий. *Клиническая и специальная психология*, 14(4), 129–150. <https://doi.org/10.17759/cpse.2025140408>.
13. Фролова, С. В., & Сенина, Т. В. (2008). Стресс-совладающее поведение подростков в различных социально-психологических ситуациях. В: *Проблемы социальной психологии личности: Сборник тезисов по проблемам психологии личности*. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/sgu_socialpsy/contents/30326 (дата обращения: 01.09.2026).
14. Хломов, К. Д., Бочавер, А. А., & Корнеев, А. А. (2020). Копинг-стратегии и образовательная среда подростков. *Социальная психология и общество*, 11(2), 180–199. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110211>
15. Чистопольская, К. А., Ениколопов, С. Н., Николаев, Е. Л., Мысина, Г. А., & Дровосеков, С. Э. (2020). Обновленная версия шкалы MSPSS как инструмент исследования субъективной оценки личностью воспринимаемой социальной поддержки. В: *Высшее образование в условиях глобализации: тренды и перспективы развития: материалы XII Междунар. учеб.-метод. онлайн-конф.* Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та.
16. Шварцер, Р., Ерусалем, М., & Ромек, В.Г. (1996). Русская версия шкалы общей самооценки Р. Шварцера и М. Ерусалема. *Иностранная психология*, 7, 71–77.
17. Al-Hroub, A. (2026). Death Anxiety and Trauma in Forcibly Displaced Children in the Gaza Strip: A Critical Review of Emerging Research, 2024-2025. *Curr Psychiatry Rep*, 28(1), 21. <https://doi.org/10.1007/s11920-026-01670-8>
18. Alqahtani, M. M. J., Al-Loghbi, A. A. S., AlSalehi, S. M., Al-Hifthy, E. H., Saleh Al-Hrbiy, F. H., Alqahtani, Y.J., Alkhamees, H. A., Mahmoud, M. A., Mukhadi, J. Y. A., Alkhathami, S. S. M., Altakroni, H. S. A., & Alyemni, N. S. A. (2024). Coping Mechanisms and Posttraumatic Stress Exhibited by Children in Areas of Yemen's Armed Conflict in Southern Saudi Arabia. *J Child Adolesc Trauma*, 17(3), 723-733. <https://doi.org/10.1007/s40653-024-00630-9>
19. Doumit, R., Hallit, S., Chaaya, R., Zgheib, P., El Hajj, S., Sanchez-Ruiz, M. J., & El Khoury-Malhame, M. (2026). Psychometric properties of the Arabic translation of the PTGI-SF 10-item scale in adolescents. *European Journal of Psychotraumatology*, 17(1). <https://doi.org/10.1080/20008066.2026.2648457>
20. Khoury, S. M., Alnabilsy R., & Mordi H. (2026). Active coping as a bridge between family resilience and posttraumatic growth in Arab adolescents and youth exposed to war. *Children and Youth Services Review*, 186, 108975, <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2026.108975>.
21. Kineret, M., & Shirley, B.S. (2025). Adolescent Coping and Identity Development During the 'Swords of Iron' War: Lived Experiences of Adolescents and Perspectives of Their Parents. *Stress Health*, 41(4), 70081. <https://doi.org/10.1002/smi.70081>.
22. Lyubomirsky, S., & Lepper, H. S. (1999). A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation. *Social Indicators Research*, 46(2), 137–155.

23. Ramos-Vera, C., O'Diana, A. G., Vallejos-Saldarriaga, J., & Saintila, J. (2025). Validation of the Post-Traumatic Growth Inventory in Adolescents Who Lost a Family Member in the Past 4 years: Effects of Time After the Death Event and Gender. *Omega (Westport)*, 91(4), 1909-1929. <https://doi.org/10.1177/00302228231166833>

24. Zedan, H. F. (2026). Coping and resilience under sociopolitical stress among Palestinian children and youth in East Jerusalem: a sumud perspective. *Children and Youth Services Review*, 185, 108943. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2026.108943>.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-28-01370.

Funding

The study was supported by the Russian Science Foundation under research project No. 25-28-01370.

Поступила в редакцию: 04.08.26

Принята к публикации: 20.09.26